

Ф И Л О С О Ф С К И Й П О Е Д И Н О К

ЖИЛЬ
ДЕЛЁЗ

ШИЗОАНАЛИЗ

ИЛИ
ПОКУШЕНИЕ
НА ФРЕЙДА

ПЬЕР-ФЕЛИКС
ГВАТТАРИ

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

2024

УДК 159.964.22
ББК 88.1(2)61-736
Д 29

Жиль Делёз (Gilles Deleuze)

Д 29 Шизоанализ, или Покушение на Фрейда / Ж. Делёз, П.-Ф. Гваттари. – М.: Родина, 2024. – 272 с.: илл – (Философский поединок).

ISBN 978-5-00222-337-4

«Психоанализ стал отупляющим наркотиком, – пишут в своей книге французские психологи и философы Жиль Делёз и Феликс Гваттари. – Знают ли они, что они делают, эти психоаналитики? Ведь если есть «чисто эротический мотив», как говорит Фрейд, это, конечно, не Эдип, который его принимает, не фаллос, который его запускает, и не кастрация, которая его передаёт».

Психоанализ ищет истоки бессознательного в раннем детстве и семье, он сводится только к одному сценарию – «грязной семейной истории», говорят Делёз и Гваттари. Но жизнь многообразнее: нельзя сводить либидо лишь к семейному влиянию, тем самым пренебрегая влиянием социального поля.

Критикуя психоанализ как идеологию, «встроенную в систему полицейского государства», Делёз и Гваттари разработали метод шизоанализа, который рассматривает сознание в качестве одной из «машин» внутри тела. Сознание не меняет сами «машины желания», которые живут своей жизнью, но может на них влиять: ломать, извращать, репрессировать и т.д.

**УДК 159.964.22
ББК 88.1(2)61-736**

© Делёз Ж. (Deleuze G.),
Гваттари П.-Ф. (Guattari P.-F.),
правообладатели, 2024

© Перевод с французского Кралечкина Д., 2024
© ООО «Издательство Родина», 2024

ISBN 978-5-00222-337-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОКУШЕНИЕ НА ФРЕЙДА

Функция Эдипа	6
Три текста Фрейда	11
Формула «3 + 1»	27
Синтез регистрации	38
Синтез потребления	52
Повторение синтезов	76
Подавление и вытеснение	87
Невроз и психоз	102
Проблема Эдипа	117
Психоанализ и этнология	137
Наконец Эдип	155

ШИЗОАНАЛИЗ

Общественное поле	162
Молекулярное бессознательное	172
Позитивная задача шизоанализа	191
Вторая позитивная задача	219
Противоположность шизоанализа и психоанализа	270

ПОКУШЕНИЕ НА ФРЕЙДА

Функция Эдипа

Нашу критику Эдипа могут счесть слишком поверхностной и мелочной, как если бы она относилась только к воображаемому Эдипу и к роли родительских фигур, ни в коей мере не затрагивая структуру и порядок ее символических мест и функций. Однако для нас вопрос как раз и заключается в том, чтобы выяснить, действительно ли здесь проходит основное различие. Не проходит ли оно на самом деле между Эдипом — хоть структурным, хоть воображаемым — и чем-то иным, тем самым, что все Эдипы уничтожают и вытесняют, — машинами желания, которые не поддаются сведению ни к структуре, ни к лицам, которые создают Реальное как таковое, по ту или по эту сторону как от символического, так и от воображаемого?

Мы ни в коей мере не собираемся поддерживать попытку Малиновского продемонстрировать, что фигуры изменяются в зависимости от рассматриваемой общественной формы. Мы даже верим в то, что нам говорят, когда Эдипа определяют в качестве некоего инварианта. Но вопрос совсем в другом: существует ли точное соответствие между различными формами производства бессознательного и этим инвариантом (между желающими машинами и эдиповой структурой)? Или же этот инвариант — во всех своих вариациях и модальностях — выражает лишь историю долгого заблуждения, усилие непрекращающегося подавления?

Под вопрос мы ставим именно насильственную эдипизацию, которой в теории и на практике предается психоанализ, сопрягая возможности образа и структуры. И, невзирая на некоторые превосходные книги, недавно написанные от-

дельными учениками Лакана, мы задаемся вопросом, идет ли и мысль Лакана в этом направлении. Идет ли речь только о том, чтобы эдипизировать шизофреника? Или же она идет о чем-то другом и даже о противоположном? О том, чтобы шизофренизировать, шизофренизировать поле бессознательного?

Ведь само бессознательное не в большей степени структурно, чем персонально, оно символизирует не в большей степени, чем воображает или представляет.

* * *

В чем же заключается эта долгая история, если мы рассматриваем ее только на отрезке психоанализа? Она не обходится без сомнений, уклонений и покаяний. Лапланш и Понталис отмечают, что Фрейд «открывает» эдипов комплекс в 1897 году в своем самоанализе; но его первую обобщенную теоретическую формулировку он представляет только в 1923 году, в работе «Я и Оно»; между двумя этими датами Эдип влачит скорее маргинальное существование, «ограниченное примером в отдельной главе, посвященной выбору объекта во время полового созревания («Три очерка») или типичным сновидениям («Толкование сновидений»)». Дело в том, говорят они, что достаточно прохладное отношение Фрейда к теории травматизма и соблазна не дает возможности однозначного определения Эдипа, как, впрочем, и описания детской самопроизвольной сексуальности эндогенного характера.

Итак, все происходит так, словно бы «Фрейду не удавалось свести воедино Эдипа и детскую сексуальность», поскольку последняя отсылала к биологической реальности развития, а Эдип — к психической реальности фантазма: Эдип — это то, что едва не было потеряно «ради биологического реализма».

Но является ли такое описание точным? Требовал ли империализм Эдипа отказа только лишь от биологического

реализма? Или же Эдипу было пожертвовано и кое-что еще, причем несравненно более могущественное? Ведь Фрейд и первые аналитики открывают не что иное, как область свободных синтезов, в которой возможно все, связи без конца, дизъюнкции без исключения, конъюнкции без специфичности, частичные объекты и потоки.

В глубине бессознательного ворчат и гудят желающие машины, а также все объяснительные механизмы, возведенные Фрейдом,— все эти нейро-биологически-желающие машины. Это открытие производящего бессознательного имеет два коррелята: с одной стороны, прямое столкновение между этим желающим производством и общественным производством, между симптоматологическими формациями и коллективными формациями, а также их тождество по природе и различие по режиму; с другой стороны — то подавление, которое общественная машина осуществляет по отношению к желающим машинам, и отношение первичного вытеснения к этому подавлению.

Вот это все и будет потеряно — или, по крайней мере, подпорчено — после коронации суверенного Эдипа. Свободная ассоциация, вместо того чтобы открываться на многозначные коннекции, закрывается в тупике однозначности. Все цепочки бессознательного становятся одно-двузначными, линейными, все они подвешиваются к деспотическому означающему. Все желающее производство уничтожается, подчиняется требованиям представления, невеселым играм представляющего и представленного в представлении. И это главное: воспроизводство желания уступает место простому представлению — как в процессе лечения, так и в теории. Производящее бессознательное уступает место бессознательному, которое не умеет ничего, кроме как выражаться — выражаться в мифе, в трагедии, в сновидении.

Но кто нам сказал, что сновидение, трагедия, миф соответствуют формациям бессознательного, даже если учесть работу трансформации? Как будто бы Фрейд отступил перед

этим миром неосвоенного производства и взрывного желания, как будто он хотел любой ценой навести в нем хоть немного порядка, причем последний стал классическим порядком старого греческого театра. Ведь что значит фраза «Фрейд открывает Эдипа в своем самоанализе»? В своем самоанализе или же в своей классической гетевской культуре? В своем самоанализе он обнаруживает что-то, о чем говорит себе: «Ба, это похоже на Эдипа!» И это что-то он сначала рассматривает в качестве некоего варианта «семейного романа», в качестве параноической регистрации, посредством которой желание как раз подрывает все семейные определения.

Лишь постепенно он превращает семейный роман в противоположность, в простое производное Эдипа, он невротизирует все в бессознательном в то самое время, когда он эдипизирует, набрасывает семейный треугольник на все бессознательное. Шизофреник — вот враг. Желающее производство персонализировано или, скорее, персонологизировано, превращено в момент воображаемого или структуры. Производство отныне является всего лишь производством фантазма, производством выражения. Бессознательное перестает быть тем, что оно есть, — заводом, цехом, — чтобы стать театром, сценой и постановкой. И даже не авангардным театром, каковой существовал во времена Фрейда, а классическим театром, классическим порядком представления.

* * *

Психоанализ — это как русская революция, неизвестно, когда что-то пошло не так. Всегда нужно возвращаться назад, отступая все дальше и дальше. С какого момента — с американцев? С первой «Международной ассоциации»? С «Секретного комитета»? С первых разрывов, которые отмечают как отречения Фрейда, так и предательство тех, кто работал с ним? С самого Фрейда, то есть с «открытия» Эдипа?

Эдип — это идеалистический поворот. Однако нельзя сказать, что психоанализ погрузился в полное неведение же-

лающего производства. Фундаментальные понятия экономики желания, работы и инвестирования сохраняют свою значимость, но будучи подчиненными формам выражающегося бессознательного, а не формам производящего бессознательного. Желаящие машины никуда не делись, но теперь они функционируют лишь за стеной кабинета. За стеной или за кулисами — это место первичный фантазм уступает желающим машинам, когда распластывает все по эдиповой сцене. Они все равно продолжают создавать адский шум.

Психоаналитик сам не может игнорировать их. Поэтому его позиция — скорее позиция отрицания: «все это, конечно, так, но все-таки это папа-мама». На фронте кабинета пишут: оставь у врат твои желающие машины, забудь о своих сиротских и безбрачных машинах, твой магнитофон и маленький велосипед, войди и позволь эдипизировать тебя. Все вытекает из этого, начиная с утомительного характера курса терапии, заключающегося в том, что он всегда остается в высшей степени контрактной формой — потоком слов, обмениваемым на поток денег. Тогда достаточно того, что называют психотическим эпизодом: в приступе шизофрении мы однажды приносим в кабинет аналитика свой магнитофон, все застывает, вторгается желающая машина, все встает с ног на голову, мы разорвали контракт, мы не остались верны великому принципу исключения третьего, мы ввели третьего, — желающую машину собственной персоной.

Однако каждый психоаналитик должен был бы знать, что под Эдипом, за ним и посредством него он имеет дело только с желающими машинами. В самом начале психоаналитики не могли не сознавать принуждения, необходимого для введения Эдипа, для его впрыскивания в бессознательное. Затем Эдип изменил направление, присвоил себе желающее производство, как будто бы все производительные силы желания происходят из него. Психоаналитик стал лакеем Эдипа, великого агента антипроизводства в желании.